

ОНА ЖИЛА, ИГРАЯ РОЛЬ

АКТРИСА, КОТОРУЮ ЗНАЛИ ВСЕ
И НЕ ЗНАЛ НИКТО

ФАИНЫ РАНЕВСКОЙ

На днях в театре Моссовета прошел вечер, посвященный 100-летию юбилею Фаины Георгиевны Раневской. Пришли и старики, ходившие «на Раневскую» в Театр Красной армии, и совсем молодые люди, которые никогда не видели, как она играет на сцене. Быть может, они хотели соприкоснуться с легендой, в которую еще при жизни превратилась Раневская? Великолепная актриса, так и не сыгравшая свою главную роль; самый острый и злой язык Москвы — ее афоризмы и словечки до сих пор ходят по городу...

...Режиссер — «вытянутый лилипут», заместитель директора — «фокстерьер», администратор — «человек с глазами конокрада», актриса — «гремучая змея с колокольчиком», театральная водителка, который «ненавидит меня за то, что он возит меня, а не я его», и, наконец, о себе — «я, как старая пальма на вокзале, — никому не нужна, а выбросить жалко...»

Фаина Георгиевна умела сказать что-то необычайно приятное, — судя по всему, она была порой совершенно невыносима. Но мало кого так нежно и преданно любили друзья, мало кто вызывал такие теплые чувства у публики. При этом она была глубоко одиноким человеком: у нее не было детей, театральная молва не зафиксировала ни одного ее романа. Вся любовь актрисы была отдана собаке да племяннику — маловато для того, чтобы женщина чувствовала всю полноту жизни. Ей все заменил театр — и при этом она, одна из лучших актрис страны, была страшно в себе не уверена. После спектакля она спрашивала у всех: «Скажите, правда, я сегодня играла из рук вон плохо?» А когда какой-то грубиян ответил «да», Раневская едва его не побила. Близкие люди знали, что здесь — вся ее жизнь, и не судили строго.

И все же — почему именно Раневская, за что мы все так ее любили? На этот вопрос пытается ответить Лев Лосев, директор театра Моссовета, друживший с Фаиной Георгиевной в последние годы ее жизни.

— Великих актеров на Руси всегда было много. Вспоминаем мы о них нечасто, а такого проявления любви и благодарности я вообще не упомню. Быть может, это вызвано тем, что Фаина Георгиевна была не только замечательной актрисой, но и очень интересным, живым человеком, необычайно остроумным и порой беспощадным существом? Когда Юрий Александрович Завадский, желая оставить о себе память, просил записывать свои беседы с труппой на пленку, она прокомментировала это следующим образом:

— Ему снится, что он уже похоронен в Кремлевской стене...

Юрий Александрович часто соизывал труппу на беседы. Говорил о театре вообще и о перспективах театра Моссовета в частности, о спектаклях, о том, что актеры должны работать над собой, иначе мы отстанем от Запада. Там все держится на конкуренции, а у нас артистам созданы все условия... Я не раз спрашивал Фаину Георгиевну, почему она не ходит на беседы Завадского, и она отвечала:

— Мне надоели эти мессы в бардаке.

На самом деле Раневская любила Завадского. Узнав о его смерти, она рыдала.

Но почему Фаину Георгиевну чтут те, кто никогда с ней не общался? В юбилей мы, люди театра, приехали на ее могилу: она была завалена цветами, вокруг — толпа народу. Выступать мы не собирались, но пришлось — среди

прочего, нас спрашивали, почему на могиле Раневской до сих пор нет памятника? А дело в том, что Фаина Георгиевна завещала похоронить себя в могиле сестры и ни в коем случае не разрушать то скромное надгробие, которое она на ней поставила. Так они под ним и лежат — лишь какой-то неизвестный поклонник Раневской, зная о ее любви к животным, приварил к плите металлическую фигурку собаки. Но на это Фаина Георгиевна, думаю, не была бы в обиде...

Судя по всему, Раневская была странным человеком. От чего ее защищал острый и жесткий юмор, что она носила в душе? Это актриса прятала от всех на свете. Она жила, играя роль Фаины Георгиевны Раневской, и за кулисами ее видели очень немногие.

Одним из таких людей была Мария Михайловна Миронова, познакомившаяся с Раневской девочкой, в 1915 году, в Малаховке, где ныне знаменитая барахолка. Дружили они всю жизнь — и на вечеру в театре Мария Михайловна вспоминала:

— Как-то в присутствии Фаины я обмолвилась своей любимой присказкой: «По барыне говядина, по дерьму черепок», — и та ей безумно понравилась. Прошло какое-то время, театр дал Раневской комнату в Пименовском переулке. Мне позвонила ее соседка по коммуналке и сказала, что артистка Раневская захворала и просит меня зайти. Я прибежала, открыла дверь и... задыхнулась от табачного дыма. Вся комната прокурена, на голом, тюремном проводе висит лампочка, в углу койка, на койке Фаина с перевязанным горлом, вокруг нее папиросный пепел. Я в ужасе говорю: «Так жить нельзя, давайте проветрим», — подхожу к окну и вижу, что оно упирается в глухую стену. Ей дали жилье, где и днем, и ночью надо было жечь свет...

— Фаина, окно не открывайся!

— По барыне говядина...

Бог наградила Фаину Георгиевну огромной самоиронией — без этой маски ее видели немногие. А мне «повезло». Как-то я пригласила ее на обед: сделала рассольник с каперсами, солеными огурчиками и телячьими почками, запекла язык. Собрались друзья: Капа Пугачева из Театра сатиры и замечательный чтец Володя Яхонтов, до рассвета декламировавший нам «Евгения Онегина». Все было замечательно. Засветло Яхонтов ушел, а Фаина Георгиевна осталась у меня ночевать. Проснулась

На вечеру она рассказывала:

— На съемках мама старалась держать меня подальше от Раневской и Плятта, украшавших свою беседу замечательными русскими словами. К счастью, я слушала во все уши и все запомнила: и других радую, и сама радуюсь, и поминую добром Фаину Георгиевну. Но самый главный урок она мне преподала в фильме «У них есть Родина», где Раневская играла немку, хозяйку кабака, а я — маленькую русскую девочку, которую она взяла из приюта разносить пиво. Входил советский офицер, (Павел Петрович Кадочников), я, рыдая, бросалась ему на шею, а у него должны были появиться подobaющие советскому офицеру скупые мужские слезы.

«Мотор!» — и я прыгаю на Кадочникова, но скупых слез нет, он может только заплакать. Это советскому офицеру не к лицу. Я бросалась на него три раза — и слезы кончились у меня самой. Тогда Раневская подзывает меня к себе и дает оглушительную, звонкую затрещину — искры из глаз. Я зарыдала из всех своих детских сил, Кадочников смахнул скупую слезу — ему стало меня жалко. А Раневская принялась меня успокаивать: «Деточка, прости, я сделала это, чтобы все было по-настоящему. Когда ты вырастешь и станешь актрисой, то получишь столько оплеух, что моя покажется самой безобидной... Так и вышло».

Пройдет 50 лет — и, как верно подметил юморист Геннадий Хазанов, никто не разберет, где правда, где ложь, что сказала она, а что — кто-то другой и не являющийся ли его юморески, посвященные Раневской, чистейшей воды правдой:

...— Однажды Александр Македонский после премьеры в театре имени Моссовета постучался в гримбуторную Фаины Георгиевны Раневской. Она спросила: «Кто там?»...

— Это я, Александр, великий полководец.

— Александр Иванович, голубчик, это вы! Вот уж не ждала! Мне сегодня звонил Масхадов, сказал, что вы к нему в Чечню улетели...

...Как-то раз Фаина Георгиевна сидела в ресторане Дома актера вместе с генералом Франко и папой римским. Папа и каудильо начали спорить, у кого из них выше титул.

Франко сказал: «Конечно, у меня, люди называют меня «ваше превосходительство». Папа возразил: «Сын мой, меня люди называют «ваше преосвященство». Раневская засмеялась и сказала: «Ерунда! Стоит мне войти в кабинет к Завадскому, как он кричит: «Боже мой! Опять вы!..»

...Спектакль под названием «Фаина Раневская» для исполнительницы главной героини не был особенно веселым. Девушку Фанни в государственные театральные школы не взяли за неспособность, а на частную не было денег. Свои университеты она проходила в периферийных театрах, с трудом пробивалась в Москве. Знаменитая Раневская ссорилась с близкими людьми, меняла театры и часто чувствовала себя — это видно и по ее остроумию — очень несчастной. А в памяти культуры осталась легким, пленительно остроумным, изящно и красиво прожившим свою жизнь человеком. Можно ли лучше исполнить отведенную судьбой роль?

Алексей ФИЛИППОВ.

72